

передать «классическую древность и образцы литератур европейских в новых формах русского слова»,⁶ в то время как на языке, «завещанном Ломоносовым», давался полный круг образования своего времени.

Судьба многих элементов литературного языка этого времени находится в прямой зависимости от судеб самой литературы, и существуют они постольку, поскольку существуют те виды литературы, для которых они характерны. Так, само понятие «высокого стиля» становится постепенно — особенно отчетливо в первые десятилетия XIX в. — категорией исключительно художественной речи. Формирование так называемой «поэтической» лексики и фразеологии также, естественно, отражает развитие художественной речи. Язык литературы, следовательно, это особая проблема, но — для этого времени — внутри общей проблематики литературного языка, поскольку речь идет не об индивидуальных художественных стилях, а об общих нормах художественной речи в ее разновидностях (ведь «понятие литературности языка» стало отделяться от «понятия художественности выражения», по замечанию акад. В. В. Виноградова, только с середины XIX в.).⁷ Сама эта относительная автономность языка литературы на территории литературного языка, характер и формы этой автономности входят в число важнейших характеристик стилистической системы языка в целом. В связи со сказанным возникает и более общая задача — сделать попытку обогатить наши представления о различных литературных направлениях, классицизме, сентиментализме и романтизме, — установив их собственно языковые характеристики на фоне и в связи с общеязыковыми нормами эпохи. Возможно, это окажется полезным и в свете замечания П. Н. Беркова относительно сосуществования переходных, гибридных по своей природе литературных направлений.⁸

Спор «архаистов» и «новаторов» — это, поскольку речь шла о стилистических расхождениях, прежде всего спор о языке литературы. П. Н. Берков справедливо замечает, что в высказываниях «староверов» «литература XVIII века истолковывалась как непререкаемая норма».⁹ Но очевидно, что это относится и к языку этой литературы. Шишковисты (как несколько позднее Катенин, Кюхельбекер и некоторые другие) отстаивали не просто старые нормы; они исходили из старой стилистиче-

⁶ «Москвитянин», 1842, ч. 1, № 1, стр. VIII.

⁷ См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1938, стр. 385—386.

⁸ См.: П. Н. Берков. Проблемы изучения русского классицизма. — В сб.: «Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма», изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 23.

⁹ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. I. Изд. АГУ, Л., 1964, стр. 32.